

Список використаних джерел

1. Боас Ф. Ум первобытного человека / Франц Боас; пер. с англ. А. М. Водена. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1926. – 153 с. // Boas F. Um pervobyitnogo cheloveka / Frants Boas; per. s angl. A. M. Vodena. – М.–Л.: Gos. izd-vo, 1926. – 153 s.
2. Benedict R. Configurations of Culture in North America // American Anthropologist, 1932. – №34 (1). – P.1–27.
3. Behar R., Gordon D. A. Women Writing Culture / Ruth Behar and Deborah A. Gordon, eds. – Berkeley: University of California Press, 1995. – xiii + 457 p.
4. Benedict R. Patterns of Culture. – N.Y., Boston: Houghton Mifflin, 1934. – 260 p.
5. Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. – New York: Morrow, 1970. – 374 p.
6. Boas F. Some Problems of Methodology in the Social Sciences // The New Social Science. – Ed.: White Leonard B. University of Chicago, 1930. – P.84–98.
7. Benedict R. The chrysanthemum and the sword: patterns of Japanese culture. – Boston: Houghton Mifflin Co., 1946. – 324 p.

*Borisova-Zheleznova K. O., graduate student,
Taras Shevchenko National University of Kyiv
(Ukraine, Kyiv), kvemailvk@gmail.com*

Culture as a factor of personality formation in field research Ruth Benedict

The work is devoted to the study of R. Benedict's cultural and anthropological concept, namely, to her field research, within which the concept of cultural accentuation as a factor of personality formation was formed by the American researcher. This article focuses specifically on the ethnopsychological direction of research, namely, on the concept of cultural configurationalism, which illustrates in some detail how the interaction between culture and personality takes place, and what role cultural formation plays in shaping the personality. Emphasizing the exceptional relationship between culture and personality, R. Benedict argues that in the process of inculturation, each individual perceives the values and characteristics of his culture, thereby forming himself as a person in accordance with the values and norms of public life. An author's approach to the theoretical heritage of the American mission-practitioner is defined of analysis «culture–personality» interrelation.

Keywords: personality, culture, configurations of culture, cultural dominant, ethos of culture, pattern, behavior.

* * *

УДК 168.522

Вершина В. А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, Днепровский
национальный университет им. Олеса Гончара
(Украина, Днепро), vivi.dp@ukr.net

Михайлюк О. В.,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и
информационной деятельности, Национальная
металлургическая академия Украины
(Украина, Днепро), mich_al@ukr.net

КОНЦЕПЦИЯ КАРНАВАЛА М. М. БАХТИНА КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО– ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Неадекватность концепции карнавала М. М. Бахтина исторической реальности отмечали многие исследователи. Бахтин рассматривал вполне определенный период в истории культуры: период «смены парадигм», ситуацию, сложившуюся на рубеже эпох, на рубеже культур. Схема противостояния «смеховой культуры» и «официальной», «карнаваллизации сознания» соответствует не только Средневековью и Ренессансу, ее целесообразно экстраполировать и на другие периоды истории, она имеет универсальный характер. Раскрывая амбивалентность культуры, ее внутреннюю противоречивость, Бахтин выявляет механизм ее самодвижения. Речь идет о глубинных основаниях культуры, универсальности и динамике культурно–

исторического процесса, о механизмах преемственности, цикличности и диффузии культуры и т.п. Концепция карнавала Бахтина рассматривается как своего рода модель, которая обнаруживает глубинную общность культурно–исторических процессов самой разной природы и позволяет объяснить механизм культурно–исторических трансформаций.

Ключевые слова: Бахтин, карнавал, культурно–историческая трансформация.

(статья друкується мовою оригіналу)

В последнее время «бахтинология» оформилась чуть ли не в целую науку. Библиография работ о Бахтине практически необозрима. Идеи Бахтина приобрели большую популярность. Бахтин оказался созвучным эпохе постмодерна, его считают едва ли не первым постмодернистом [27, с. 207].

Концепция карнавала М. М. Бахтина вызвала при своем появлении неоднозначное отношение, и в настоящее время она не всеми признана. Неадекватность концепции карнавала М. М. Бахтина исторической реальности отмечали многие исследователи, рассматривая ее как «своего рода научный миф» (А. Я. Гуревич) [16], или как «модель», «достаточно абстрактную «доктрину», важнейшие положения которой не только остаются не проясненными, но и не предполагают какой бы то ни было временной (исторической) или пространственной (и географической, и национально–культурной) конкретизации» (А. Л. Гринштейн) [14, с. 23]. Л. М. Баткин отмечает, что М. Бахтин, как правило, равнодушен к идеологии Рабле, если она не растворена без остатка в амбивалентном смехе [5, с. 403–404]. Но Рабле и не был для Бахтина самоцелью. По свидетельству Н. Панькова, не изучение Рабле подтолкнуло Бахтина к открытию противоборства двух культур средневековья, а открытие двух культур средневековья (прежде всего – народной) побудило Бахтина изучать Рабле [29]. По словам С. С. Аверинцева, Бахтин берет Рабле вовсе не как индивидуального автора таких–то десятилетий, а как универсальную философско–антропологическую парадигму [2, с. 10].

Представляется возможным говорить о своего рода историософии Бахтина, при всех негативных, на наш взгляд, коннотациях этого понятия. Историософский подход традиционен для русской философии. Историософия может рассматриваться как определенная совокупность общественно–мировоззренческих идей, которые составляют оценочный критерий в философской системе изложения истории, как своего рода «идеология истории». Это выводит историософию за рамки собственно науки.

Идея амбивалентности занимает особое место в концепции М. М. Бахтина. И тексты, и сама мысль Бахтина амбивалентны: они требуют отказа от некоторых привычных приемов мысли, в частности – от установки на однозначную систему оценок [13, с. 123].

Раскрывая амбивалентность культуры, ее внутреннюю противоречивость, Бахтин выявляет механизм ее самодвижения. Амбивалентность – одно из важнейших свойств культуры, основа культуры как таковой. В простейшем виде амбивалентность означает двойственность, противоположность тех или иных смысловых определений, в которых воплощаются стандартные (устоявшиеся, «знаковые») символические константы. Но такое понимание амбивалентности

не исчерпывает ее глубинного значения; в данном виде оно совпадает с понятием бинарности, которым выражается двойственность восприятия человеком мира (природного, социального и собственно человеческого). В амбивалентных структурах оппозиционные стороны выполняют не только дополняющую роль. Они выражают возможность взаимного проникновения противоположных смыслов, их тождественность в определенном отношении; и главное: в определенных аспектах (смысловом, оценочном, ценностном) амбивалентные определения могут меняться местами. В бахтинском смысле амбивалентность – это двойственность и внутренняя диалогичность. Господствующая иерархия ценностей построена в двоичной системе координат. Амбивалентность культуры проявляется в глубинном антагонизме с естественностью (природой), между сакральным и профанным, «дионисийским» и «аполлонийским» началами в культуре и т.д. В человеческой культуре всегда существовало противоречие между реальностью и желаемым идеалом, проявляющееся в форме утопии. Но культура может существовать лишь в единстве «верха» и «низа», сакрального и профанного. Поскольку вся культура амбивалентна, то и все явления культуры, в свою очередь, амбивалентны.

Представление о сакральном вытекает из дуальных оппозиций, делит единое на два, предполагает существование «двух миров» – сакрального и профанного, праздничного и будничного, действительного и желаемого. Сакральное амбивалентно. Уже латинское слово *sacer* («посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое») отражает эту амбивалентность. Понятие сакрального содержит в себе как представление о позитивной силе, так и образ чего-то угрожающего, требующего строжайших запретов. Общая для всех людей реакция на сакральное соединяет в себе и страх, и влечение, доверие и ужас.

Одной из особенностей европейской культуры является наслоение христианства на язычество [9, с. 196]. Различные «тексты» организуются при этом как поле взаимодействия различных стилевых единиц, морфем. Накладываясь друг на друга, языковые системы образуют пересекающиеся линии, плоскости и объемы, в пространстве которых происходит свободное движение смыслов, как правило, окрашенных игровыми элементами иронии и гротеска [34, с. 12–14]. «Боги» и «демоны» меняются местами. Языческие боги превращаются в демонов, бесов; языческая сакральность – в профанное, в табу. Совмещение христианства и язычества в европейской культуре приобретает форму противопоставления «верха» и «низа», «души» и «тела», «небесного» и «земного», сакрального и профанного.

Человек в значительной степени является продуктом той или иной культуры, он погружен в нее точно так же, как принадлежит обществу. Как и культура, человек амбивалентен: биологическое и социальное, сознание и подсознание, личность и индивидуальность, разум и эмоции и т.д. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», – писал Достоевский. И философы только то и делали, что «сужали» человека, сводили его к разумности, духовности, социальности и т.п. Бахтин же «расширил» понимание человека. Он берет человека

в его целостности, показывает не только «верх», но и «материально–телесный низ». Суть концепции Бахтина вытекала из представления о незавершенности, свободной открытости, «внезаходимости», амбивалентности человека. «Человек никогда не совпадает с самим собой» [7, с. 100]. В нем есть то, что не поддается «овнешняющему определению». Бахтин представил человека в новом измерении – в его незавершенности и открытости миру.

В широком смысле слова культура может пониматься как ненаследственная память, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний – одновременно является некоторой единой для данного коллектива ценностной структурой [25, с. 219]. Культура всегда репрессивна, культура начинается с запретов. Человек в рамках культуры вынужден постоянно осознавать себя в определенной условной системе координат.

Иерархия «верха» и «низа», жесткое структурирование социальных связей, противопоставление официальной «серьезности» эмоциональным проявлениям «естественного» поведения объективно противопоставляет «официальную» культуру тем сферам народной культуры, которые находятся в оппозиции к культуре господствующего класса и вырабатывают, как показал М. М. Бахтин «свою особую точку зрения на мир и особые формы его образного отражения» [8, с. 484]. Принцип осмеяния, организующий эту культуру, временно поднимается над объектом, на который направлен: над официальным и сакральным. Правда второго откровения – это правда релятивизации конечного и завершенного, перемен и кризисов, правда амбивалентности [22, с. 83–84].

Важно подчеркнуть инверсионный, «переворачивающий» характер карнавального праздника: язык карнавальных символов не только «упрощает» то, что с официальной стороны поддерживается как высокое и священное; этот язык изначально пародийный. Для карнавала характерна своеобразная логика «обратности», образность «наизнанку», символика постоянных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада, разнообразие видов пародий, переодеваний, снижений, упрощений, шутовских увенчаний и развенчаний [22, с. 16]. Карнавал обнажает глубинную природу человека, является проявлением глубинного антагонизма между естественностью (натурой) и культурой, проявлениями дионисийского и аполлонийского начал в культуре, сознания и подсознания, эмоций и разума и т.д.

Подходя к анализу культуры с семиотической точки зрения, ее можно рассматривать как определенным образом организованную знаковую систему. В центре концепции карнавализации – идея об «инверсии двоичных противопоставлений», то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций [18, с. 45–64]. По сути, концепция карнавала Бахтина предстает как выраженная в аллегорической форме теория о взаимообратимости знака и не знака, хаоса и упорядоченности или постоянной трансформации упорядоченного состояния в неупорядоченное и наоборот, т.е. нераздельном, обоюдном взаимопроникновении порядка и беспорядка как подлинном отражении жизни, культуры и человеческого бытия. Культура

– это, прежде всего, способ полагания смысла. В процессе «карнализации сознания» происходит «переворачивание смыслов», смыслы ставятся под сомнение, между означаемым и означающим нарушается устоявшееся, ставшее привычным соответствие, знаки теряют конвенциональность. Знак оказывается нетождественным ни самому себе, ни тому, на что он указывает. Нарушается код культуры. В карнавале раскрывается условность знака, условность культуры. Выстраивается «мир кувыркром», где все выворачивается наизнанку, вся меняется местами. Человек оказывается в неозначенном мире, т.е. в мире хаоса. Но в Хаосе заложены и творческие, созидательные начала. Неозначенность дает новые возможности.

Карнавал является как бы отголоском первобытного синкретизма, преднамеренно воссоздает изначальный Хаос, с тем, чтобы, в конечном счете, уничтожить его. Карнавал выступает как возвращение к первоначальному состоянию хаоса через ритуал, который строго контролирует и регламентирует соприкосновение с хаосом. Из карнавала Бахтина можно вывести и понимание логики мирового развития сквозь призму соотношений (взаимопереходов) хаоса и порядка, чем озабочена нынешняя синергетика. Карнавал можно рассматривать в контексте проблемы взаимопереходов Хаоса и Порядка. Карнавал фиксирует конструктивную роль хаоса в организации порядка [10, с. 387]. Карнавал является частью ритуала, карнавал ритуализирован, т.е. управляем. Хаос, символически и практически возрождаемый карнавалом, также управляем. Из этого можно вывести и столь популярные в наше время концепции «управляемого хаоса».

Бахтин предлагает методологию анализа «пограничных» культурных явлений, исследования границ поля культуры. По словам Бахтина, внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее [6, с. 282]. Внекультурный мир, – хаос, – с точки зрения культуры, – он «и враг космоса и его постоянный резерв» [23, с. 9–10]. Преступая «заветную грань», проникая в сферу культуры, он обогащает культуру, оставаясь при этом, в глазах многих, потенциально опасным, деструктивным, анти-культурным началом. Как писал Ю. М. Лотман, «игра между системным и внесистемным составляет основу механизма развития культуры» [24, с. 143].

Отдельная тема – карнавал и революция [28; 35]. Революцию и карнавал объединяет общая символика, мироощущение, сценарий развития. Оба явления практически и символически опосредуют, переворачивают и демаскируют господствующую иерархию ценностей. В революционный период происходит трансформация массового сознания и тенденции ментальных сдвигов. Глубокие противоречия пронизывают всю структуру и содержание культурных ценностей, само понимание условий, средств и целей человеческой жизни, деятельности, общения, глубокие сдвиги происходят в понимании сакрального и профанного, авторитета политической власти, права и закона, локальных территориальных структур и государства, роли и ценности отдельной личности и во многом другом.

Весь сатирический, разоблачительный дух карнавала – всего лишь побочный продукт, а не проявление революционного пафоса народа, – отмечает Л. А. Абрамян. Но всякая революция, благодаря своей переворачивающей сути, неминуемо приобретает карнавалы черты [1, с. 69–70].

Все революции делались не столько по Марксу, сколько по Бахтину (впрочем, на наш взгляд, модель Маркса и модель Бахтина вовсе не противостоят и не отрицают друг друга, они, скорее, друг друга дополняют). Ж. Батай видел истоки европейской демократии, берущей начало от Великой Французской революции, в карнавале [33, с. 192]. Карнавалы черты революции в России, в частности, нашли отражение и в художественной литературе – произведениях А. Блока («Двенадцать»), И. Бабеля, А. Веселого, С. Федорченко и др. Карнавалы черты особенно проявились и эксплуатируются в т.н. «цветных» революциях. «Ты не имеешь права быть скучным для толпы. Каждый день нужно придумывать новый сумасшедший спектакль. Чтобы держать внимание граждан, надо создать карнавал и поминутно высмеивать режим. Юмор расплавляет страх», – говорит один из идеологов и организаторов «цветных» революций Срджа Попович [3].

На протяжении всей истории в процессе воспроизводства культуры и социальности идет непрекращающийся генезис стадияльно более раннего сознания. Оно коренится в культурной инерции, в том обстоятельстве, что исторически более поздние структуры культуры и психики надстраиваются над более ранними пластами [37, с. 95]. Этим можно объяснить чрезвычайную живучесть карнавала, которую отмечал М. М. Бахтин. Особенно продуктивно применение модели карнавала для изучения традиционного общества и его трансформаций в условиях модернизации. Как пишет А. Г. Козинцев, «на протяжении 90% своей истории человек современного вида жил в эгалитарном, безличном, фаталистическом и коллективистском обществе, где господствовали магические представления и историческая динамика была минимальной. Пережитками этой стадии на поздних этапах истории является культура народных низов (в особенности крестьянская) с исключительным консерватизмом и склонностью к самовоспроизводству» [21, с. 95].

Бахтин описал не просто смену культурной парадигмы, переход от Средних веков к Новому времени, а ситуацию перехода от традиционного общества к современному, от культуры к цивилизации в шпенглеровском смысле слова. В процессе модернизации происходит наслоение культурных пластов, одновременно сосуществуют и эклектически смешиваются различные культурные формы, возникает ситуация «путаницы языков», когда культурные формы начинают функционировать необычным образом в ответ на необычные ситуации или необычные намерения [12, с. 37]. В сознании часто гротескно, переплетаются традиционные и новые смыслы и представления. Традиционные стандарты мышления, поведения, человеческих взаимоотношений, теряют свою безусловность, абсолютность, неоспоримость. Происходит карнализация сознания. Карнавал

перерастает временные рамки и растворяется в повседневности. Поэтому с началом Нового времени он теряет свое значение. Карнавал, будучи порождением и атрибутом традиции, разрушает традицию и сопровождает ее гибель. Говоря словами Маркса, происходит «ломка традиции в рамках традиции» [36, с. 60]. В этом также проявляется амбивалентность карнавала [11].

Л. Баткин считал неудачным термин «гротескный реализм» – «в основе эпического смеха Рабле – мифологическое мировосприятие» [5, с. 408]. Миф – действующая и исключительно важная культурная сила. В определенном смысле миф вечен, мифологическое измерение присутствует в каждой культуре. Элементы мифологического сознания сопровождают человечество на протяжении всей его истории, включая и нашу «постмодерную» эпоху. Мифы и в настоящий момент остаются важным компонентом общественного сознания. Исследователи даже говорят, что в XX ст. фундаментальная культура становится тотально мифологической [31, с. 170].

Метод М. Бахтина позволяет приблизиться к пониманию массовой культуры [5, с. 400]. Массам присуще мифологическое сознание и мировосприятие. «Мифологический ренессанс» в XX в., полагаем, объясняется выходом масс на историческую арену и формированием массовой культуры.

Концепция карнавала Бахтина представляет собой своего рода модель, позволяющую объяснить механизм культурно-исторических трансформаций. Она обнаруживает глубинную общность культурно-исторических процессов самой разной природы. Речь идет о некоей основной схеме, воспроизводимой в разных вариантах, что позволяет ее вывести в качестве инварианта. Эта схема может по-разному проявлять себя в различных исторических контекстах. Но любая модель всегда является абстрактным представлением реальности, идеализацией реального объекта и не может быть ему тождественной. Всякая модель вторична по отношению к своему предмету, и в конечном итоге, не адекватна ему, ибо не учитывает всего многообразия проявлений. Обычно модель оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных. Формальная модель связывается с опытными данными посредством той или иной интерпретации. Интерпретация же – не столько «искусство рассматривания», сколько искусство «конструирования». Современные исследователи по-разному интерпретируют (конструируют) концепцию карнавала Бахтина и применяют ее для интерпретации (конструирования) различных процессов и явлений. Бахтинские идеи получают выход на самую широкую проблематику, вписываются в самый широкий, и, порой, неожиданный контекст. Многие авторы, в общем то, более или менее обоснованно, применяют концепцию карнавала Бахтина в исследовании самых различных явлений «всех времен и народов» – от первобытного общества до постмодерна. Проявления карнавала усматриваются в любых массовых действиях – бунтах, революциях, тоталитаризме, молодежных движениях, криминальной субкультуре, армейской дедовщине и даже еврейских погромах времен Второй мировой войны

[32]. Что ж, как сказал Бахтин, «И Евангелие – карнавал» [19, с. 19]. В литературе можно встретить нарекания, что «односторонний» подход Бахтина к проблеме праздника «увлек многих доверчивых «учеников» своей квази-простотой и послужил отмычкой в раскрытии «любых» вопросов жизни, культуры, литературы» [20]. Но за всякой популярностью, какие бы, на первый взгляд, непривлекательные формы она не принимала, часто скрывается значимость, потребность [30].

Смех сопутствует карнавалу, но выступает как его побочный продукт [1, с. 62–74]. Смех возникает тогда, когда знак приобретает другой, непривычный, неожиданный смысл, или когда «не-знак» приобретает неожиданную знаковую. Смех и возникает в результате слома стереотипов, привычек и шаблонов мышления, т.е. в результате карнавализации сознания. Серьезность переходит в смех, так как выявляется относительность всякого основополагающего принципа [4, с. 242–243]. Но карнавал не сводится к смеху. Состояние неопределенности, хаотичности мира порождает не только смех, но и ужас. Можно в чем-то согласиться с Б. Гройсом: бахтинский карнавал ужасен [15, с. 78]. Карнавалы перевернутые образы, пишет Л. А. Абрамян, не смешные, а страшные. Вернее, они сперва страшные, потом смешные [1, с. 63]. Трудно говорить об универсальности карнавального смеха – он весьма специфичен. Возникает вопрос: можно ли сводить все проявления смеха к «карнавальному измерению», площадным формам, деструктивным проявлениям, «гротескному реализму», ведущей особенностью которого является «снижение, то есть перевод всего высокого, духовного, идеального отвлеченного в материально-телесный план» [8]? Но смех является атрибутом карнавала как процесса культурно-исторических трансформаций. Здесь напрашивается цитата из К. Маркса: «Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось с своим прошлым» [26, с. 41]. Карнавал проявляется как пограничная ситуация. Он маркирует границы «поля культур». В карнавале сталкиваются и пересекаются порядок и хаос, сакральное и профанное, высокое и низкое, смешное и ужасное, архаика и цивилизация, паранойя и шизофрения (здесь имеются в виду применяемые Ж. Делезом и Ф. Гваттари понятия, имеющие более социологические, чем медицинские, главным образом оценочные характеристики. Шизофреник – избавленный от ответственности, самодостаточный и по-настоящему свободный индивид, источник хаоса. Параноик, наоборот, стремится навязать свою волю всему своему окружению, создать социальный порядок [17]).

Концепция карнавала Бахтина оказалась способна многое охватить и объяснить, она, по словам Л. Баткина, «образует вокруг себя магнитное поле, легко притягивающее и размещающее факты» [5, с. 400]. Схема противостояния «смеховой культуры» и «официальной» соответствует не только Средневековью и Ренессансу, ее вполне возможно экстраполировать и на другие периоды, она имеет универсальный характер. Речь идет о глубинных основаниях культуры, универсальности и динамике культурно-исторического процесса о механизмах преемственности, цикличности и диффузии культуры и т.п. Как смех универсален, так и карнавал универсален. Они уходят корнями в глубокую архаику и поэтому являются общими для всех культур.

Список використаних джерел

1. Абрамян Л. А. Смех как побочный продукт и движущая сила праздника / Л. А. Абрамян // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 2002. – С.62–74.
2. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура / С. С. Аверинцев // М. М. Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – С.7–19.
3. Асламова Д. Коммивояжеры быстрых революций: наш секрет успеха – сделать сумасшествие нормой! / Д. Асламова [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – 2012. – 19 июля. – Режим доступа: <http://kp.ua/daily/170712/347201/>
4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / А. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т.1: Теория и методология. Словарь. – 804 с.
5. Баткин Л. М. Смех Панурга и философия культуры / Л. М. Баткин // Вопр. философии. 1967. – №12. – С.115–123.
6. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений. – М: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – Т.1. – С.398–412.
7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
9. Бердяев Н. Философия свободы // Бердяев Н. Судьба России: соч. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Х.: Изд-во Фолио, 2001. – С.29–264.
10. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 480 с.
11. Вершина В. А., Михайлюк А. В. О карнавальных истоках современной цивилизации / В. А. Вершина, А. В. Михайлюк // Доґха / Докса. Зб. наук. праць з філософії та філології. Вип.2. – Одеса: ООО Студия «Негоціант», 2002. – С.161–167.
12. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004.
13. Гогтишвили Л. А. Варианты и инварианты М. М. Бахтина / Л. А. Гогтишвили // Вопр. философии. – 1992. – №1. – С.115–133.
14. Гринштейн А. Л. Карнавал и маскарад: два типа культуры // «На границах». Зарубежная литература от средневековья до современности: Сборник работ. – М.: ЭКОН, 2000. – С.22–43.
15. Гройс Б. Тоталитаризм карнавала / Б. Гройс // Бахтинский сборник. – Вып.3. – М., 1997. – С.76–80.
16. Гуревич А. Я. Анкета ДКХ / А. Я. Гуревич [Электронный ресурс] // Диалог. Карнава. Хроног. – 1996. – №4. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1996&n=4&abs=Anketa>.
17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
18. Иванов Вяч. Вс. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных представлений / Вяч. Вс. Иванов // Уч. зап. Тартуского университета. – Тарту, 1977. – Вып.411. Труды по знакомым системам. – Т. VIII. – С.45–64.
19. Исупов К. Г. Уроки М. М. Бахтина / К. Г. Исупов // Бахтин М. М.: Pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. – СПб.: РХГИ, 2001. – Т.1. – С.7–44.
20. Каман Э. Парадигма праздника в трудах В. Я. Проппа и М. М. Бахтина / Э. Каман [Электронный ресурс] // Studia mythologica slavica. – 1999. – 2. – Режим доступа: <http://sms.zrc-sazu.si/En/SMS2/Studia2.html>
21. Козинцев А. Г. Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности / А. Г. Козинцев // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 2002. – С.158.
22. Лахманн Р. Смех: примирение жизни и смерти / Р. Лахманн // Бахтинский сборник. – М.: Лабиринт, 1997. – Вып.3. – С.83–84.
23. Лотман Ю. М. Вместо предисловия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. – Таллин: «Александра», 1992. – Т.1. – С.9–10.
24. Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры // Уч. зап. Тартуского университета. – Тарту, 1977. – Вып.411. Труды по знакомым системам. – Т. VIII. – С.138–150.
25. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избр. труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С.219–253.
26. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – Т.1. – С.412–429.
27. Махлин В. Н. Наследие М. М. Бахтина в контексте западного постмодернизма // М. М. Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – С.206–220.
28. Михайлюк А. В. Карнавал и революция // Доґха / Докса. Зб. наук. праць з філософії та філології. Вип. 7. Людина на межі смішного і серйозного. – Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2005. – С.211–220.
29. Паньков Н. М. М. Бахтин: ранняя версия концепции карнавала (В память о давней научной дискуссии) / Н. М. Паньков [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. – 1997. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/5/pankov.html>
30. Романовская Л. М. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» как факт гуманитарной культуры XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. М. Романовская [Электронный ресурс]. – Томск, 1999. – Режим доступа: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtoref161.htm>
31. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
32. Химка Джон-Пол. Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба / Джон-Пол Химка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550/>
33. Холье Д. Кровавые воскресения // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С.175–192.
34. Чучин-Русов А. Е. Историко-культурный процесс: форма и содержание // Вопр. философии. – 1996. – №4. – С.3–14.
35. Щербинин А. И. Революционный спектакль: опыт и современная постановка // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2014. – №3 (27). – С.65–73.
36. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т.21. – С.28–178.
37. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. – 1996. – №4. – С.87–97.

References

1. Abramjan L. A. Smeh kak pobochnyj produkt i dvizhushhaja sila prazdnika / L. A. Abramjan // Smeh: istoki i funkicii. – SPb.: Nauka, 2002. – S.62–74.
2. Averincev S. S. Bahtin, smeh, hristianskaja kul'tura / S. S. Averincev // M. M. Bahtin kak filosof. – M.: Nauka, 1992. – S.7–19.
3. Aslamova D. Kommivojazhery bystryh revolucij: nash sekret uspeha – sdelat' sumasshestvie normoj! / D. Aslamova [Elektronnyj resurs] // Komsomol'skaja pravda. – 2012. – 19 ijulja. – Rezhim dostupa: <http://kp.ua/daily/170712/347201/>
4. Ahiezer A. S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii): v 2 t. – 2-e izd., pererab. i dop. / A. Ahiezer. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998. – T.1: Teorija i metodologija. Slovar'. – 804 s.
5. Batkin L. M. Smeh Panurga i filosofija kul'tury / L. M. Batkin // Vopr. filosofii. 1967. – №12. – S.115–123.
6. Bahtin M. M. K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorcestva // Sbranie sochinenij. – M: Russkie slovri, Jazyki slavjanskaj kul'tury, 2003. – T.1. – S.398–412.
7. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo / M. M. Bahtin. – M.: Sovetskaja Rossija, 1979. – 320 s.
8. Bahtin M. M. Tvorcestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. – 2-e izd. / M. M. Bahtin. – M.: Hudozh. lit., 1990. – 543 s.
9. Berdjaev N. Filosofija svobody // Berdjaev N. Sud'ba Rossii: soch. – M.: Izd-vo JeKSMO-Press; H.: Izd-vo Folio, 2001. – S.29–264.
10. Vasil'kova V. V. Porjadok i kaos v razvitii social'nyh sistem: (Sinergetika i teorija social'noj samoorganizacii) / V. V. Vasil'kova. – SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 1999. – 480 s.
11. Vershina V. A., Mihajljuk A. V. O karnaval'nyh istokah sovremennoj civilizacii / V. A. Vershina, A. V. Mihajljuk // Doksa. Zb. nauk. prac' z filosofii ta filologii. Vip.2. – Odessa: ООО Studija «Negociant», 2002. – S.161–167.

12. Girc K. Interpretacija kul'tur / Per. s angl. / K. Girc. – M.: ROSSPJeN, 2004.
13. Gogotishvili L. A. Varianty i invarianty M. M. Bahtina / L. A. Gogotishvili // Vopr. filosofii. – 1992. – №1. – S.115–133.
14. Grinshtejn A. L. Karnaval i maskarad: dva tipa kul'tury // «Na granicah». Zarubezhnaja literatura ot srednevekov'ja do sovremennosti: Sbornik rabot. – M.: JeKON, 2000. – S.22–43.
15. Grojs B. Totalitarizm karnavala / B. Grojs // Bahtinskij sbornik. – M., 1997. – Vyp.3. – S.76–80.
16. Gurevich A. Ja. Anketa DKH / A. Ja. Gurevich [Elektronnyj resurs] // Dialog. Karnava. Hronotop. – 1996. – №4. – Rezhim dostupa: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1996&n=4&abs=Anketa>.
17. Deljoz Zh., Gvattari F. Anti–Jedip: Kapitalizm i shizofrenija / Zh. Deljoz, F. Gvattari. – Ekaterinburg: U–Faktorija, 2007. – 672 s.
18. Ivanov Vjach. Vs. K semioticheskoj teorii karnavala kak inversii dvoichnyh predstavlenij / Vjach. Vs. Ivanov // Uch. zap. Tartuskogo universiteta. – Tartu, 1977. – Vyp. 411. Trudy po znakovym sistemam. – T. VIII. – S.45–64.
19. Isupov K. G. Uroki M. M. Bahtina / K. G. Isupov // Bahtin M. M.: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M. M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj humanitarnoj mysli. – SPb.: RHGI, 2001. – T.I. – S.7–44.
20. Kaman Je. Paradigma prazdnika v trudah V. Ja. Proppa i M. M. Bahtina / Je. Kaman [Elektronnyj resurs] // Studia mythologica slavica. – 1999. – 2. – Rezhim dostupa: <http://sms.zrc-sazu.si/En/SMS2/Studia2.html>
21. Kozincev A. G. Smeh i antipovedenie v Rossii: Nacional'naja specifika i obshchehelovecheskie zakonomernosti / A. G. Kozincev // Smeh: istoki i funkcii. – SPb.: Nauka, 2002. – S.158.
22. Lahmann R. Smeh: primirenje zhizni i smerti / R. Lahmann // Bahtinskij sbornik. – M.: Labirint, 1997. – Vyp.3. – S.83–84.
23. Lotman Ju. M. Vmesto predislovia // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i v treh tomah. – Tallin: «Aleksandra», 1992. – T.1. – S.9–10.
24. Lotman Ju. M. Mesto kinoiskusstva v mehanizme kul'tury // Uch. zap. Tartuskogo universiteta. – Tartu, 1977. – Vyp.411. Trudy po znakovym sistemam. – T. VIII. – S.138–150.
25. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) / Ju. M. Lotman, B. A. Uspenskij // Uspenskij B. A. Izbr. trudy, tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. – M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. – S.219–253.
26. Marks K. K. Kritike gegelevskoj filosofii prava. Vvedenie / K. Marks, F. Jengel's // Soch. 2–e izd. – T.1. – S.412–429.
27. Mahlin V. N. Nasledie M. M. Bahtina v kontekste zapadnogo postmodernizma // M. M. Bahtin kak filosof. – M.: Nauka, 1992. – S.206–220.
28. Mihajljuk A. V. Karnaval i revoljucija // Doksa. Zb. nauk. prac' z filosofii ta filologii. Vip.7. Ljudina na mezhi smishnogo i serjoznogo. – Odesa: ONU im. I. I. Mechnikova, 2005. – S.211–220.
29. Pan'kov N. M. M. Bahtin: rannaja versija koncepcii karnavala (V pamjat' o davnej nauchnoj diskussii) / N. M. Pan'kov [Elektronnyj resurs] // Voprosy literatury. – 1997. – №5. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/5/pankov.html>
30. Romanovskaja L. M. «Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa» kak fakt humanitarnoj kul'tury XX veka : Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / L. M. Romanovskaja [Elektronnyj resurs]. – Tomsk, 1999. – Rezhim dostupa: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtoref161.htm>
31. Rudnev V. P. Slovar' kul'tury XX veka / V. P. Rudnev. – M.: Agraf, 1997. – 384 s.
32. Himka Dzhon–Pol. L'vivs'kij pogrom 1941–go: Nimci, ukrains'ki nacionalisti i karnaval'na jurba / Dzhon–Pol Himka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550/>
33. Hol'e D. Krovavyye voskresenija // Tanatografija Jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka. – SPb.: Mifril, 1994. – S.175–192
34. Chuchin–Rusov A. E. Istoriko–kul'turnyj process: forma i soderzhanie // Vopr. filosofii. – 1996. – №4. – S.3–14.
35. Shherbinin A. I. Revoljucionnyj spektakl': opyt i sovremennaja postanovka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofija. Sociologija. Politologija. – 2014. – №3 (27). – S.65–73.
36. Jengel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva / K. Marks, F. Jengel's // Soch. – 2–e izd. – T.21. – S.28–178.
37. Jakovenko I. G. Civilizacija i varvarstvo v istorii Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 1996. – №4. – S.87–97.
- Vershina V. A., Ph.D in Philosophy, associate professor, assistant professor of Philosophy Science Oles Gonchar Dneprovsk National University (Ukraine, Dnepro), vivi.dp@ukr.net**
- Mykhailiuk A. V., doctor of historical sciences, professor, manager by the department of documentation and informative activity of the National metallurgical academy of Ukraine (Ukraine, Dnepro), mich_al@ukr.net**
- Conception of carnival of M. M. Bakhtin as explanatory model of cultural and historical transformations**
- Inadequacy of Bakhtin's conception of carnival to historical reality was marked by many researchers. Bakhtin considered a fully certain period in history of culture: period of «changing of paradigms», situation folded on the border of epochs, on the border of cultures. Chart of opposition of «laughter's culture» and «official», «carnivalization of consciousness» corresponds not only to Middle Ages and Renaissance, it can be expedient to extrapolate and on other periods of history, it has universal character. Exposing ambivalence of culture, its internal contradiction, Bakhtin exposes the mechanism of it self-motion. The question is about the deep grounds of culture, universality and dynamics of cultural and historical process, about the mechanisms of succession, recurrence and diffusion of culture etc. Conception of carnival of Bakhtin is examined as the family model that finds out deep community of cultural and historical processes of the most different nature and allows to explain the mechanism of cultural and historical transformations.*
- Keywords:** Bakhtin, carnival, cultural and historical transformation.
- Вершина В. А., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Дніпровський національний університет ім. Олесь Гончара (Україна, Дніпро), vivi.dp@ukr.net**
- Михайлюк О. В., доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою документознавства та інформаційної діяльності, Національна металургійна академія України (Україна, Дніпро), mich_al@ukr.net**
- Концепція карнавалу М. М. Бахтіна як пояснювальна модель культурно–історичних трансформацій**
- Неадекватність концепції карнавалу М. М. Бахтіна історичній реальності відмічали багато дослідників. Бахтін розглянув цілком певний період в історії культури: період «зміни парадигм», ситуацію, що склалася на рубежі епох, на рубежі культур. Схема протистояння «сміхової культури» і «офіційної», «карнавалізації свідомості» відповідає не лише Середньовіччю і Ренесансу, її доцільно екстраполювати і на інші періоди історії, вона має універсальний характер. Розкриваючи амбівалентність культури, її внутрішню суперечність, Бахтін виявляє механізм її саморуху. Йдеться про глибокі підстави культури, універсальність і динаміку культурно–історичного процесу, про механізми спадкоємності, циклічності і дифузії культури і тому подібне. Концепція карнавалу Бахтіна розглядається як свого роду модель, яка виявляє глибоку спільність культурно–історичних процесів самої різної природи і дозволяє пояснити механізм культурно–історичних трансформацій.*
- Ключові слова:** Бахтін, карнавал, культурно–історична трансформація.

* * *

УДК 261.7

Хром'як Н. Л.,
старший науковий співробітник,
Центр дослідження релігії НПУ
ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ),
tuzn@lts.lviv.ua

ТЕОЛОГІЧНА ОНТОЛОГІЯ КАРЛА БАРТА

Аналізується богословська онтологія Карла Барта, його вчення про творіння і про вибрання. Барт підкреслював, що ніякий зміст і ніяка послідовність не зв'язують Бога з людиною, Творця з творінням, адже відмінність між ними якісна і абсолютна. Доктрина про творіння для Барта є одним із питань віри. По–перше, Бог не існує один, але по Своїй волі і дії існує щось інше, ніж Він; по–друге, творіння не існує саме, але внаслідок проявлення доброти у волі і дії Бога; по–третє, такі твердження можна вивести лише внаслідок божественного самоодкровення, яке приводить людину у свідченні Священного Писання до Христа і віри. Вчення про вибрання, у Барта, несе в собі спасаючий характер, так як Євангелією, радісною звісткою є лише Ісус Христос. Своє вибрання Бог здійснює у Своїй благодаті, тому це – благодатне